

Т.Г. Емельяненко

С.М. ДУДИН ОБ «УВЕСЕЛЕНИЯХ» САРТОВ

Наследие С. М. Дудина (1863–1929) — фотографа и собирателя этнографических коллекций по Средней Азии — включает более 5000 памятников традиционно-бытовой культуры различных народов региона, около 2000 документальных фотографий и рукописный отчет о трех из его поездок (1900–1902). Отчет представляет собой обширный труд, содержащий почти 500 листов, исписанных убористым почерком Дудина, в котором он с завидной скрупулезностью описывает различные стороны жизни и быта местных народов. Многие сюжеты отчета иллюстрируются фотографиями и / или находят отражение в привезенных собирателем экспонатах, благодаря чему воссоздается живая картина этнографической действительности региона на рубеже XIX–XX веков.

Один из разделов отчета посвящен играм взрослых и «увеселениям» у сартов [Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 247, л. 284–290]. Отметим, что сартами Дудин называет городское население центральной части Средней Азии, причем не только больших городов, но и мелких, и жителей окрестных селений, независимо от того, на каком языке, таджикском или узбекском, они говорят и каково их этническое происхождение. Термин «таджик» он употребляет преимущественно в отношении жителей Нагорной Бухары — Каратегина, Дарваза, Файзабада, Гарма, а узбеки у него — исключительно кочевые группы, их он описывает и в Самаркандской области, и на маршруте по Нагорной Бухаре.

В этой связи особый интерес представляет то, что на первый план среди излюбленных развлечений сартов Дудин ставит *байгу* — конное состязание, более распространенное среди кочевников и полукочевников и обычно описываемое исследователями как неотъемлемую часть именно их традиционной культуры, а не оседлых народов и тем более горожан. Однако, по словам Дудина, и «сарты очень любят лошадей, любят верховую езду и любят щегольнуть своими лошадьми перед соседями» [Там же: л. 284]. *Байгу* мог организовать любой сарт по случаю семейного торжества или она приурочивалась к какому-нибудь общественному

празднику, и тогда устраивалась на коллективные сборы. Место проведения *байги* — обширную поляну — выбирали за городом или за кишлаком, и участвовать в состязании мог каждый желающий. Суть состязания заключалась в том, чтобы отнять и не дать никому у себя вырвать безголовую баранью тушу во время движения всадников по кругу или периметру поляны и первому доставить ее к назначенному месту.

Правда, Дудин замечает, что это увеселение стало постепенно утрачивать в глазах сартов прежний интерес, уступая свое первостепенное место среди развлечений скачкам. Их распространению способствовало правительство Туркестанского края, которое из своей казны даже выплачивало денежные премии [Там же: Л. 285]. В начале XX в. был построен первый ипподром близ Ташкента, в 1913 г. он был перенесен ближе к городу и представлял собой оборудованный «со всеми удобствами не только для публики и для лиц, занимающихся скаковым спортом, но и для скакунов» конно-спортивный комплекс [Открытие нового ипподрома 1913]. В других городах Туркестана скачки проводились на открытой местности, все более приобретая характер регулярных общественных развлечений, не утративших своего значения до настоящего времени.

Дудин пишет: «Других увеселений и игр общественного характера мне не случилось наблюдать, т.к. я не жил в крае в течение круглого года, а лишь в весенние, летние и осенние месяцы. Но мне говорили о каких-то общественных гуляньях, устраиваемых в новый год за городом, в Самарканде, например, эти гулянья устраиваются в саду загородной мечети Намазгох» [Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 285]. Однако он побывал на многих семейных торжествах и описывает их многолюдность, угощения, шумное веселье, виды устраиваемых для гостей развлечений, а фотографии, сделанные им во время таких гуляний, дополняют его рассказ и делают его более наглядным.

По поводу музыки сартов Дудин настроен критически. «Сарты не могут похвалиться музыкальностью, хотя очень любят музыку, если принять за любовь к ней то обстоятельство, что в каждой чайхоне вы можете чуть не целый день слышать треньканье дутары; ни одна “томаша” не обходится без музыки и пения, а каждая

“томаша” привлекает массу любопытных и зрителей, и слушателей. Их мотивы чрезвычайно однообразны и негармоничны, а пение состоит почти исключительно из речитативов, перебиваемых изредка довольно скучными мелодиями. И есть основание признать киргизскую легенду о сартовской музыке и пении не лишённой остроумия. По этой легенде то, что сарты поют хуже всех народностей Туркестана, объясняется так. Бог, создав различных людей, назначил день, в который он будет раздавать голоса, и приказал людям прийти за ними в определенное место и пораньше. Первыми пришли киргизы и получили лучший голос. За ними пришли другие народы, а сарты заспались в этот день и пришли тогда, когда Бог уже ушел с места. Сарты застали на холме воющую собаку и от нее и взяли свои напевы, думая, что это тот голос, который назначен им Богом. И действительно, в сартовском пении есть что-то, напоминающее лай голодной собаки» [Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 247, л. 268], — заключает Дудин.

Особой популярностью, по его наблюдениям, пользуются фокусники, жонглеры, акробаты, которые кочуют из города в город или в одиночку, или группами по несколько человек. «Никакого особого костюма себе во время “работы” они не присваивают, и только в случаях, когда игра должна будет носить комический характер, они одеваются в костюм “байгуша”, т.е. халат *яхтак*, штаны и старую, рваную тюбетейку. Фокусы состоят большей частью из следующих номеров: исчезновение и появление под колпаками или чашками шариков, добывание пестрых бумажных лент из хлопка, глотание горячей пакли, доставание нескольких чайных чашек из-под дастархана, разостланного на полу, и т.п. Все эти фокусы сопровождаются неумолкаемой и, судя по впечатлению, производимому на зрителей, веселой и остроумной болтовней. <...> Из жонглерских штук проделывают чаще всего такие номера, как подбрасывание многих шариков зараз, танец с “найра” (дойра. — *T. E.*), которая во время танца скользит, не сваливаясь на пол, по спине, рукам, ногам, груди и животу танцора, или также танец с глиняной миской» [Там же: л. 286].

Дудин замечает, что «представления фокусников и жонглеров практикуются и на площадях городов во время базаров. Здесь же зачастую фигурируют и рассказчики с проповедниками. Причем

почти сплошь да рядом ремесло фокусника связывается с проповедничеством в лице одного и того же субъекта» [Там же]. Андижанское восстание, имевшее место в 1898 г., описано в советской литературе как антиколониальное, посредством которого «кучка духовенства и феодалов» при помощи народных масс хотела восстановить свои права и привилегии. Религиозный характер восстания обычно не акцентировался, и, что особенно важно, нигде и никогда не упоминалось, что проповедниками и распространителями идей восстания и вообще религиозными проповедниками выступали именно фокусники, а не служители культа.

Фокусники и вообще артисты разных жанров у сартов являлись своего рода маргинальными фигурами: их общественная необходимость признавалась, но они не считались полноценными членами мусульманского общества, причем именно с позиций ислама, с осуждением относящегося к публичным артистическо-исполнительским профессиям. Но похоже, что совмещение местными фокусниками своего искусства с религиозным проповедничеством было типичным явлением для Средней Азии, т.к. Дудин далее замечает: «К сожалению, после андижанского восстания к таким “проповедникам” русские власти стали относиться очень подозрительно и воспретили связывать оба ремесла в одно дело, а показывание все одних и тех же фокусов не собирает таких громадных толп, какие окружали <...> проповедников. Нечто похожее на это теперь можно наблюдать только в Бухаре и других городах бухарских владений» [Там же: л. 289]. Следовательно, речь идет о какой-то устойчивой традиции, и вопрос ее происхождения требует специального рассмотрения.

Не оставил Дудин без внимания и такое явление жизни сартов, как *бачибазм* — выступления мальчиков-*бачи*, пением, танцами, игрой на музыкальных инструментах развлекавших мужские собрания. Собственно, ни один европеец, столкнувшийся с этим явлением, не оставался равнодушным, и его описание, а также свои домыслы по этому поводу приводили многие путешественники и исследователи прошлого. Внес свою лепту и Дудин: «Я видел в Бухаре, как важные бухарские чиновники, почтенные благообразные старцы, восхищенные танцами бачей, целовали их заса-

ленные камзолы и допивали их чай». При этом Дудин откровенно признается, что не имеет возможности сообщить более интимных подробностей их ремесла: «Расспросы по этому поводу мало занимали меня и не входили в мои непосредственные задачи» [Там же: л. 288]. Хотя это звучит странно, учитывая дотошность Дудина в выяснении различных аспектов жизни сартов. Но в данном случае, как нам кажется, ему никто и не раскрыл бы интимных подробностей, даже если бы они и были, поскольку темы, касающиеся интимных вопросов, у местных народов не принято открыто обсуждать не только с иностранцами, но и между собой.

Описывая пляску *бачей* (а Дудин сделал еще и серию фотографий их выступления, привез костюм *бачи*), он отмечает, что во время танца *бачи* снимал чалму и пояс либо вообще переодевался в женский костюм: надевал пеструю юбку, такой же шелковый камзол, большой платок, повязываемый клином на голову, и платок меньшего размера, сложенный на угол широкой лентой, с нашитым на него рядом побрякушек и серебряных бляшек. Под платки на голову повязываются мелко заплетенные косички, а на руки и ноги надевают широкие кожаные браслеты, на которые в ряд нашиты мелкие медные бубенчики [Там же: л. 287]. В первом случае *бачи* освобождался от основных знаковых элементов мужского костюма, какими в нем являются головной убор и пояс, поскольку покрой остальных деталей не отличался от женских. Во втором случае костюм *бачи* не походил на костюм местных женщин — они не носили юбку, кожаные браслеты и пр. В обоих случаях костюм позиционировал *бачи* как маргинальную личность в гендерном и / или этническом плане, как «чужого», с которым, соответственно, допускались иные взаимоотношения, чем были приняты в «своей» нормированной среде.

Это относилось, очевидно, и к женщинам-танцовщицам, развлекавшим мужские компании. Они, по словам Дудина, «представляют собой особый сорт публичных женщин, так сказать, более высокого и более ценного сорта, которые занимаются проституцией и пляской на тамашах по приглашению под управлением какой-нибудь старухи-антрепренерши этой импровизированной труппы. Кроме танцев, похожих на пляску *бачей*,

они зачастую разыгрывают любовные сценки пантомимой вперемишку с подачей коротких реплик. Мне говорили в Коканде, что между этими особами встречаются девушки и вполне безупречной нравственности, но сарты довольно дружно отрицают это, и мои наблюдения, правда, не особенно обширные, не расходятся с этим последним мнением» [Там же: л. 288]. Однако, как представляется, подобная оценка могла быть следствием обычной манеры местного населения в уничижительной форме отзываться о морально-нравственных качествах представителей не только других религий, но и иных культурных традиций, с чем мы нередко сталкиваемся и сегодня.

У Дудина есть целая серия фотографий женщин из публичных домов. Обращает внимание, что некоторые из них, именно в ферганских городах, в Андижане и Намангане, позируют с музыкальными инструментами в руках — видимо, о них и пишет Дудин в своем отчете. Но почему женщины-танцовщицы были только в городах Ферганской долины? Ведь публичные дома, по словам того же Дудина, вообще «типичны для сартов, и сами по себе, и по отношению к ним туземцев» [Там же: л. 394]. Как представляется, на специфику этого занятия в Фергане определенное влияние оказали традиции Восточного Туркестана. Восточнотуркестанское влияние на культуру ферганцев вообще было значительным [Чвырь 1990: 276]. Исторически, благодаря тесным торговым контактам, Ферганская долина была территорией экономического и культурного влияния Китая, в отличие, например, от Бухарского ханства, находившего в зоне персидского влияния.

Что касается женщин-танцовщиц, то еще по свидетельству первого казахского этнографа и просветителя Ч. Валиханова Кашгар был широко известен своими публичными домами, так как женщины находились здесь «в выгодном положении» в домашнем и общественном быту, принимали «участие в удовольствиях своих мужей» [Валиханов 1985: 166, 168]. И не исключено, что свое искусство развлекать мужчин они принесли в Фергану. Я показывала фотографии женщин из публичных домов, сделанные Дудиным, и ферганцам, и жителям других районов Узбекистана. Никто ни по костюму, ни по внешнему облику не признал их ни

таджичками, ни узбечками. Действительно, скуластые лица некоторых из них не похожи на лица ферганских женщин, некоторыми деталями отличается и костюм, и, возможно, среди них были уйгурки, а также представительницы других этносов. Как и *бачи*, они были «чужими» и потому допускались в эту сомнительную по среднеазиатским меркам профессию.

Таким образом, материалы отчета Дудина дают не только новые факты по увеселениям сартов, но и наводят на новые размышления о содержании и значении некоторых аспектов традиционной культуры среднеазиатских народов.

Библиография

Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 247 (Отчеты С. М. Дудина, художника-фотографа, о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. для изучения труда и быта местных жителей).

Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. III.

Открытие нового ипподрома // Туркестанские ведомости. 1913. № 10.

Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. М., 1990.

Ж.А. Ермекбай

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ТРУДАХ Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА

Чокан Чингисович Валиханов оставил уникальное научное наследие, и в настоящее время его многогранное творчество называют культурным явлением. Российское и мировое научное сообщество восхищено его путешествиями на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан и научными трудами по народам и культурам Центральной Азии.

Свою научную работу он начал, будучи воспитанником Омского кадетского корпуса. Ч.Ч. Валиханов знал несколько восточ-